

К 200-летию
Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-9-27

Ю.В. Лебедев

Независимый исследователь,
156026 г. Кострома, Российская Федерация

«Страдания нас породнили...»: Достоевский и Некрасов

Аннотация. В статье пересматривается довольно устойчивый взгляд на антагонистические отношения Некрасова и Достоевского, упорно утверждавшийся в историко-литературной науке советского периода. Именно Некрасову выпала честь открытия исключительного дарования автора «Бедных людей». Именно ранний Некрасов пробивался к тому раскрытию характера «маленького человека», которое утвердил в «Бедных людях» Достоевский. Эти преемственные связи укреплялись и далее. На почве крестьянской жизни в стихотворении «Влас» и в поэме «Тишина» Некрасов совершил художественное открытие, которое на материале жизни и судьбы своих интеллектуальных героев осуществил и закрепил Достоевский. Очевидны диалогические переклички между стихотворением Некрасова «Поэт и гражданин» и статьей Достоевского «Г-н -бов и вопрос об искусстве». Сближает Некрасова с Достоевским сходно решаемая ими проблема народа и интеллигенции. Некрасов в своей поэзии 1850-х гг. предвосхищает «почвеннические» идеалы Достоевского. Создавая образ интеллигента-каторжанина в поэме «Несчастные», поэт держит в уме судьбу Достоевского. Некрасов видит силу народа не в разрушительном революционном бунтарстве, а в христианском подвижничестве. Все народные заступники в поэзии Некрасова – идеальные герои хотя бы потому, что, в отличие от атеистического, нигилистического уклона, свойственного реалиям русского освободительного движения, они напоминают и внешним, и внутренним, духовным своим обликом русских святых. Эта доминирующая черта народолюбивой поэзии Некрасова отделяет русского национального поэта от вождей революционной демократии и сближает его творчество с магистральной линией развития русской классической литературы от позднего Пушкина к Некрасову и Достоевскому. Всем содержанием своих романов и повестей Достоевский вслед за Некрасовым

отстаивал активную, просветляющую и одухотворяющую мир благодатную силу христианского жизнестроительства. Он считал, что православие призвано духовно очищать и облагораживать как частную, так и общественную жизнь людей.

Ключевые слова: творческие связи, культ сострадания, христианский социализм, маленький человек, гражданственность и искусство, почвенническое мирозерцание, христианская политика

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Лебедев Ю.В. «Страдания нас породили...»: Достоевский и Некрасов // Литература в школе. 2021. № 3. С. 9–27. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-9-27

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-9-27

Yu.V. Lebedev

Independent researcher,
Kostroma, 156026, Russian Federation

“Suffering has brought us together...”: Dostoevsky and Nekrasov

Abstract. The article reviews a rather stable view of the antagonistic relations between Nekrasov and Dostoevsky, which was persistently established in the historical and literary science of the Soviet period. It was Nekrasov, who had the honor of discovering the exceptional talent of the author of “Poor People”. It was the early Nekrasov who made his way to the revelation of the character of the “little man”, which was confirmed in Dostoevsky’s “Poor People”. These successive ties were strengthened further on. On the basis of peasant life in the poem “Vlas” and in the poem “Silence” Nekrasov made an artistic discovery, which was realized and consolidated by Dostoevsky on the material of the life and fate of his intellectual heroes. There are obvious dialogical calls between Nekrasov’s poem “The Poet and the Citizen” and Dostoevsky’s article “Mr. -bov and the Question of Art”. What brings Nekrasov and Dostoevsky together is the problem of the people and the intelligentsia, which they solve in a similar way. Nekrasov, in his poetry of the 1850s, anticipates Dostoevsky’s “pochvennitcheskie” ideals. Creating the image of an intellectual convict in the poem “Unfortunate”, the poet keeps in mind the fate of Dostoevsky’s. Nekrasov sees the strength of the people not in a destructive revolutionary rebellion, but in the Christian asceticism. The Russian people’s protectors in Nekrasov’s poetry are ideal heroes, if only because, in contrast to the atheistic, nihilistic bias inherent in the realities of the Russian liberation movement, they resemble both the external and internal, spiritual appearance of the Russian saints. Russian national poet is separated from the leaders of the revolutionary democracy by this dominant feature of the people-loving

poetry of Nekrasov's and brings his work closer to the main line of development of Russian classical literature from the late Pushkin to Nekrasov and Dostoevsky. With all the content of his novels and novellas, Dostoevsky, following Nekrasov, defended the active, enlightening and spiritualizing power of Christian life-building, which enlightens and spiritualizes the world. He believed that Orthodoxy is called to spiritually purify and ennoble both the private and public life of people.

Key words: creative connections, the cult of compassion, Christian socialism, little man, civic consciousness and art, pochvennicheskoe worldview, Christian politics

CITATION: Lebedev Yu.V. "Suffering has brought us together...": Dostoevsky and Nekrasov. *Literature at School*. 2021. No. 3. Pp. 9–27. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-9-27

В скорбные дни кончины Н.А. Некрасова Ф.М. Достоевский не мог работать, а взял с полки все три тома его поэзии, стал читать и... просидел всю ночь. «...В эту ночь, – говорил Достоевский, – я перечел чуть не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчет: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет, занимал места в моей жизни» [7, т. 26, с. 111]¹.

1

Известно, что дружеские связи, возникшие в юные годы, сохраняются у человека на всю жизнь. А Некрасову Достоевский был обязан многим. Выйдя в отставку и поселившись на квартире вместе со своим однокашником по Инженерному училищу Григоровичем, Достоевский приступил к работе над оригинальным романом «Бедные люди».

И вот пришла «самая восхитительная минута» его жизни. Это было на исходе весны 1845 г. «Воро-

тился я домой уже в четыре часа, в белую, светлую как днем петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя к себе в квартиру, я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут. Они накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: “С десяти страниц видно будет”. Но, прочтя десять страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал. “Читает он про смерть студента, – передавал мне потом уже наедине Григорович, – и вдруг я вижу, в том месте, где отец за гробом бежит, у Некрасова голос прерывается, раз и другой, и вдруг не выдержал, стукнул ладонью по рукописи: „Ах, чтоб его!“ Это про вас-то, и этак мы всю ночь”. Когда они кончили (семь печатных листов!), то в один голос решили идти ко мне немедленно: “Что ж такое что спит, мы разбудим его, это выше сна!”» [Там же, т. 25, с. 29].

¹ Автором использован материал, опубликованный им ранее в сборнике научных статей «О слово русское, родное! Страницы истории отечественной литературы» (Кострома, 2014. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=275639>).

В Петербурге, оценив и открыв весною 1845 г. талант Достоевского, Некрасов не мог не почувствовать в нем родственную душу и делился с ним порою самым сокровенным. В день смерти поэта Достоевский так вспоминал об этом: «Тогда было между нами несколько мгновений, в которые, раз навсегда, обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было раненое в самом начале жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь. Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери, – и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить маяком, путеводной звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то, уж конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившим его» [7, т. 26, с. 111–112].

От матери Некрасов получил в наследство вместе с культом христианской кротости и терпения «детски чистое чувство веры». С отроческих лет в душе Некрасова случился болезненный надлом – она разрывалась между двумя авторите-

тами и двумя жизненными правдами: одну – трезвую и приземлено-прозаическую утверждал в нем отец, а другую – высокую и одухотворенно-поэтическую – страдалица мать.

Некрасов не мог не чувствовать, как ей трудно и одиноко живет-ся на чужой стороне, в чужом доме с грубоватым отцом. Мальчик видел, как жарко молится она в приходской церкви Благовещения села Абакумцева, как кротко склоняется перед светлым ликом Спасителя. Сколько трепетно-чистых минут пережили они вместе, припадая к старым плитам этого храма, сколько доброго и высоко-поучительного слышал мальчик из уст своей праведницы матери.

Навсегда запали в душу восприимчивого отрока поездки в Николо-Бабаевский монастырь к всероссийски чтимой святыне – чудотворной иконе святителя Николая, которая, по преданию, явилась здесь на «бабайках» – больших веслах, употребляемых вместо руля при сгонке сплоченного леса по Волге из Шексны и Мологи. Когда лесопромышленники вводили лес из Волги в речку Солоницу, бабайки за ненадобностью складывали в самом ее устье. Говорили, что первый храм в честь Николая Чудотворца построен был из бабаек. Впоследствии в стихотворении «На Волге» Некрасов писал:

Кругом все та же даль и ширь,
Все тот же виден монастырь
На острове, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.

[12, т. 2, с. 88]

Неспроста образ сельского храма станет одним из ключевых в поэзии Некрасова: его первые религиозные

чувства будут неразрывно связаны с образом молящейся матери – второй, земной заступницы, после небесной Заступницы «мира холодного». И в поэтическом мире Некрасова два этих образа будут чаще и чаще сливаться в один.

В ореоле святости сохранился образ Елены Андреевны и в памяти любивших ее грешневских крестьян: «Небольшого росточка, беленькая, слабенькая, добрая барыня». По точным словам Н.Н. Пайкова, «внучка православного священника, Е.А. Некрасова по самому своему душевному складу была страдальца и страдотерпица, богомольна и христоролюбива, образец скромной заботы и незлобивости, всепрощения и любви к ближнему. Она неустанно следовала заповедям Христовым, превозмогала обиды, непонимание, одиночество, видя себе одно утешение – в слове Божиим и свете нравственного идеала. “Затворница” – нашел точное слово поэт. Инокinya в миру. Оттого и земле предана так, как пристало, пожалуй, только истинно блаженным» [13, с. 577]. Она покоится у алтаря церкви Благовещения села Абакумцева, и одинокий крест на ее могиле в лунные ночи отражается на белой церковной стене.

Встреча с В.Г. Белинским в конце «петербургских мытарств» 1843 г. не только не погасила в душе Некрасова детское чувство веры, но в какой-то мере обогатила его энергией активного христианского сострадания. Достоевский вспоминал о юности своей и Некрасова: «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Политического социализма тогда еще не существовало в Европе, и европейские коноводы социалистов даже отвергали его. <...> Тогда

дело понималось еще в самом розовом и райско-нравственном свете. Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей» [7, т. 21, с. 130–131].

В этот период религиозные настроения Некрасова уйдут в глубокий подтекст. Он создаст ряд произведений, в которых, опережая Достоевского, изнутри проникнет в драму жизни обитателей «петербургских углов», «маленьких людей» – мелких чиновников, нищих, мастеровых, падших женщин, страдающих детей. Можно с полной уверенностью сказать, что Достоевский не был бы таким, если бы в юношеские годы он не оказался очень заинтересованным читателем Некрасова.

М.М. Гин обратил внимание на любопытный факт. В очерках «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863) Достоевский писал: «Как это вот я увижу, наконец, Европу, я, который еще с шестнадцати лет, и пресерьезно, как Белопяткин у Некрасова, “бежать хотел в Швейцарию, – но не бежал”, и вот теперь и я въезжаю наконец в страну “святых чудес”...» [Там же, т. 5, с. 51].

Достоевский цитирует здесь стихотворный фельетон Некрасова «Говорун», появившийся двадцать

лет назад, в 1843 г., в книжке «Статейки в стихах. Без картинок», с тех пор ни разу не издававшейся. «Трудно себе представить, – справедливо заключает исследователь, – что Достоевский в 1850-е или 1860-е годы перечитывал подобные вещи, отыскивая их в старых и давно забытых изданиях. А если не перечитывал, значит, запомнил то, что прочел двадцать лет тому назад!» [5, с. 75–76]. И не мог не запомнить, добавим мы от себя, потому что в некрасовском «Говоруне» (1843), стихотворном монологе, написанном от лица «маленького человека», предвосхищается открытие автора «Бедных людей» (1845), намечается новый подход к освещению темы, в чем-то полемичный по отношению к гоголевской «Шинели». У Некрасова уже в стихах 1843 г. этот человек обретает свой собственный «голос», спешит выговориться, познать себя и мир вокруг:

Над нами сочинители
Смеются в повестях...
А чем мы их обидели?
Будь я в больших чинах,
Тотчас благородие
Внушил бы им, ей-ей!
Давай нам остроумие,
Но трогать нас не смей!

[12, т. 1, с. 405]

В отличие от молчаливого и заботливого Акакия Акакиевича Башмачкина у Гоголя, герой Некрасова – амбициозный «говорун». «Говоруном» окажется и герой «Бедных людей» Достоевского Макар Алексеевич Девушкин: «И они ходят, пасквилянты неприличные, да смотрят, что, дескать, всей ли ногой на камень ступаешь или носочком одним; что-де вот у такого-то чиновника, такого-то ведомства, титулярного советника, из сапо-

га голые пальцы торчат, что вот у него локти продраны – и потом там себе это все и описывают и дрянь такую печатают... А какое тебе дело, что у меня локти продраны?» [7, т. 1, с. 68–69].

Некрасову уже ведомы все терзания, вся амбициозность униженной и страдающей души. В стихотворении «Пьяница» (1845) его герой падает на жизненное дно отнюдь не от бедности самой по себе. Пьянством он заглушает острое чувство уязвленной гордости, «томительное борение» души и тоску незаурядного ума. Бедняка соблазняет слава, мучает неудовлетворенное чувство собственного достоинства. Трезвому бедная хата кажется «еще бедней» и «мать – старуха бледная – еще бледней, бледней». Ему стыдно быть бедным, он «идет как обесславленный, гнушаясь сам собой». По существу, ведь это будущий Макар Девушкин из «Бедных людей» или чиновник Голядкин из «Двойника» Достоевского. За внешней стушеванностью и забитостью Некрасов прозревает в герое и «гордость непомерную», и «тайную злобу». Стыдясь себя, он все время сравнивает свою долю с чужой. Он живет уже не собой, а чужим мнением о себе: «На скудный твой наряд с насмешкой неслучайною все, кажется, глядят». В психологии этого социального изгоя Некрасов обнаруживает преступные порывы. Для человека гордого и неудовлетворенного «всё – повод к искушению, всё – дразнит и язвит и руку к преступлению нетвердую манит» [12, т. 1, с. 14]. И причиной преступления может здесь оказаться, как потом у Раскольникова Достоевского, не голод, а неутоленная и ненасытная гордость.

О влиянии поэзии Некрасова на становление художественной манеры Достоевского убедительно

свидетельствуют и другие факты. М.М. Гин обратил внимание, что в очерке «Мальчик с ручкой», опубликованном в «Дневнике писателя» за 1876 г., Достоевский пишет: «С набранными копейками мальчишку тотчас же посылают в кабак, и он приносит еще вина. В забаву и ему иногда нальют в рот косушку и хохочут, когда он, с пресекающимся дыханием, упадет чуть не без памяти на пол,

...и в рот мне водку скверную
Безжалостно вливал...

Когда он подрастет, его поскорее сбывают куда-нибудь на фабрику, но все, что он зарабатывает, он обязан опять приносить к халатникам, а те опять пропивают» [7, т. 22, с. 13–14].

Достоевский цитирует здесь по памяти стихотворение Некрасова «Детство», написанное, по-видимому, в 1844 г., но найденное в рукописях К.И. Чуковским на полвека позднее и впервые опубликованное в 1948 г.! Очевидно, молодой Некрасов в пору дружеских общений с Достоевским читал ему эти стихи. И не случайно они глубоко запали в душу писателя, вечной темой которого были страдания безвинных детей:

Отец мой приговаривал:
«Ты скот – не человек!»
И так меня прожаривал,
Что не забыть вовек!
От матери украдкою
Меня к себе сажал
И в рот мне водку гадкую
По капле наливал...

[12, т. 1, с. 558]

Предвосхищает Некрасов Достоевского и в стихах «Еду ли ночью по улице темной...», «Папаша», «На улице». В «Записках из подполья»

герой повести Достоевского язвительно иронизирует по поводу прекрасодушной веры Некрасова в «прекрасное и высокое», цитируя стихи «Когда из мрака заблужденья...». Но эта ирония, даже полемика, не отменяет сочувственного отношения самого писателя к благородным порывам человека, стремящегося «выпрямить» и спасти падшую душу. «Спаситель» в стихах Некрасова хорошо знает психологию падшей души, ее затаенные комплексы. Поднявшись над болезненным состоянием унижаемого человека, он старается избавиться от него и героиню. Он знает, что нужно жить «самой собой», а не «чужим мнением» о себе. Жизнь «с оглядкой» приводит героиню к тайным сомнениям, гнетущим мыслям, болезненно-пугливому состоянию души:

Не верь толпе – пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не тай!

[Там же, с. 35]

По сути, перед нами женский вариант драмы «маленького человека», униженной и обиженной, а потому и болезненно-гордой души, напоминающей будущую Настасью Филипповну из романа «Идиот» Достоевского, тоже «пригревшей змею» в своей груди. А лирический герой Некрасова своим активным и пронзительным состраданием разве не напоминает будущего князя Мышкина? [См. об этом: 3, с. 131–133].

Современники вспоминали, как 21 ноября 1880 г. на вечере в пользу «Литературного фонда» Достоевский читал именно эти стихи Некрасова. «Такого чтения я никогда больше не слышал. В нервной игре бледного лица – страдание и восторженность,

голос мягкий, слегка певучий. Слова нежно, молитвенно вырываются из глубины сердца. Публики нет перед ним. Обращается прямо к страдающей душе, разбуженной “горячим словом убежденья”, к душе женщины падшей и в то же время святой. Высоким напряжением любовного чувства преодолевается мучительный надрыв и голосом звенящим, голосом победы зовет прийти к нему “смело и свободно» [14, с. 26–27].

Но с конца 1846 г. отношения Достоевского с кругом «Современника» становятся все более сложными. С 1847 г. он сближается с Михаилом Васильевичем Петрашевским, чиновником Министерства иностранных дел, поклонником и пропагандистом Фурье. В ноябре 1848 г. вместе с Плещеевым, Дуровым и другими петрашевцами Достоевский организует свой кружок. Он вдохновляется тогда «символом веры» Плещеева, который был иным, чем у фурьериста Петрашевского и сенсимониста Салтыкова. Кумир Плещеева – французский христианский социалист Фелисите Роберт Ламенне, главное сочинение которого «Слова верующего» Плещеев переводит на русский язык. Но судьба всех членов кружка уже предрешена. 23 апреля 1849 г. тридцать семь его участников, в том числе и Достоевский, оказываются в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости...

2

По возвращении с каторги живой творческий интерес Достоевского к Некрасову остается неизменным. И это не случайно. Некрасову удалось схватить в емком поэтическом обобщении всю глубину и многосложность народного характера, всю амплитуду его колебаний, весь его «безобразно широкий» размах. *Еще в 1855 г.*

на почве крестьянской жизни Некрасов совершил художественное открытие, которое на материале жизни и судьбы своих интеллектуальных героев повторил затем Достоевский. Таков, например, ревниво любимый Достоевским некрасовский «Влас», общенациональное содержание которого глубоко раскрыл Н.Н. Скатов:

«Кажется, всем складом своей психики и – соответственно – своими стихами Некрасов в концентрированном виде выразил одну примечательную особенность общенациональной психики, как она сказалась, в частности, и в русской буржуазности, точнее, в отступлениях от нее, как она распалась и проявилась в разных, часто далеких по месту и времени ее типах.

В пьесе Островского богатый купец, ругатель и хам – Дикой рассказывает, как он изругал бедного мужичонку: “Так изругал, что лучше требовать нельзя! Чуть не прибил. Вот оно какое сердце у меня”. А после? “После прощения просил, в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе в грязи ему и кланялся, при всех ему кланялся”.

Нечто подобное через много лет, когда русский капитал развернется во всей красе, Некрасов опишет в “Современниках”: грабитель и вор, пьяный Зацепин посреди пира истерически разрыдается:

Я – вор, я – рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь и рядом – видит Бог!
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кражи и поджог!
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате – миллион
Или коническая пуля!

Действительно, нелегко представить из “шайки всех племен, наречий наций” другого ее “рыцаря”, кроме русского, который публично возопит: “Я вор!” Зацепин-то кончит новым, учетверенным грабежом. Но не даром так много русских купцов из умеренного режима накопления выламывались не в грабеж, а в другую сторону: “тронувшийся” Фома Гордеев (в литературе) или Савва Морозов (в жизни), дававший деньги на революцию и наконец путивший в лоб “коническую пулю”.

Сама буржуазность в русской жизни под спудом постоянно несла в себе два полярных начала и готовность отдаться любому из них в самом крайнем своем проявлении. Некрасов чутко ощущал оба эти состояния и всю амплитуду размаха выразил в ставшем символическим образе Власа, который

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашеём-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец, и грянул гром!..
Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма Божьего пошел...

Как раз вот с этого времени и от этого стихотворения круто и глубоко в творчество Некрасова входит религиозность...» [15, с. 176–177].

Возводя образ некрасовского Власа в общенародный и общенациональный символ, Достоевский утверждал: «Некрасов, создавая своего великого “Власа”, как великий художник, не мог и вообразить его себе иначе, как в веригах, в покаянном скитальчестве. Черта эта в жизни народа нашего – историческая, на которую невозможно не обратить внимания,

даже и потому только, что ее нет более ни в одном европейском народе» [7, т. 25, с. 215].

Неумеренно преувеличивая в стихах Некрасова «крамольный» политический смысл, критики и литературоведы, как правило, не проникали в философско-эстетическую глубину поставленных в них проблем. Так, в «Поэте и гражданине», например, Некрасова волновал вопрос о драматическом соотношении гражданственности с искусством в эпоху напряженных общественных конфликтов и социальных страстей. Если для Пушкина проблема «добро или красота» не возникала, то Некрасов уже в полную силу ощутил на себе начавшийся в новую эпоху диалог этического и эстетического.

Программный лозунг некрасовского стихотворения – «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» – содержит мысль о безусловном приоритете гражданственности в искусстве, но мысль, осложненную острым драматизмом. Этот драматизм проявляется не только в кульминационных строках поэтической декларации, его обнажает не только диалогическая форма ее – спор поэта и гражданина. Он сказывается по-своему и в горьком признании поэта:

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.

[12, т. 2, с. 7]

Вторгавшаяся в гражданские стихи поэтов некрасовской школы социальная дисгармония накладывала на них особую печать. Называя

свой стих «суровым и неуклюжим», заявляя, что борьба мешала ему быть поэтом, а песни – бойцом, Некрасов не кокетничал со своими читателями. По словам А.А. Блока, мученики вообще бывают «чаще косноязычны, чем красноречивы» [1, с. 343]. В этой суровости некрасовской поэзии была своя правда и своя красота.

Глубинный смысл поставленной Некрасовым проблемы подхватил и развил Достоевский в классической статье «Г-н -бов и вопрос об искусстве» (1861). Она несет на себе очевидные следы влияния некрасовского «Поэта и гражданина» (1856). Есть в ней, в частности, и явная переключка между метафорическим образом морской бури у Некрасова и аналогичным по своей функции образом лиссабонского землетрясения. У Некрасова:

Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит, –
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!

[12, т. 2, с. 8]

И у Достоевского: «Положим, что мы переносимся в восемнадцатое столетие, именно в день лиссабонского землетрясения. Половина жителей в Лиссабоне погибает; дома разваливаются и проваливаются; имущество гибнет; всякий из оставшихся в живых что-нибудь потерял – или имение, или семью. <...> В Лиссабоне живет в это время какой-нибудь известный португальский поэт. На другой день утром выходит номер лиссабонского “Меркурия” <...> Номер журнала, появившегося в такую минуту, возбуждает даже некоторое любопытство в несчастных лиссабонцах. <...> Надеются, что номер вышел нарочно, чтобы дать некоторые сведения, сообщить некоторые известия о погибших, о пропавших без вести...

И вдруг – на самом видном месте листа бросается всем в глаза что-нибудь вроде следующего:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья <...>

Не знаю наверно, как приняли бы свой “Меркурий” лиссабонцы, но мне кажется, они тут же казнили бы все-народно, на площади, своего знаменитого поэта, и вовсе не за то, что он написал стихотворение без глагола, а потому, что вместо трелей соловья накануне слышались под землей такие трели, а колыханье сонного ручья появилось в минуту такого колыхания целого города, что у бедных лиссабонцев не только не осталось охоты наблюдать – “в дымных тучках пурпур розы” или “отблеск янтаря”, но даже показался слишком оскорбительным и небратским поступок поэта, воспевающего такие забавные вещи в такую минуту их жизни» [7, т. 20, с. 75–76].

Сближает Некрасова с Достоевским сходно решаемая ими в своем творчестве проблема народа и интеллигенции. Можно с полной уверенностью утверждать, что Некрасов в конце 1850-х гг. во многом предвосхищает «почвеннические» идеалы Достоевского. Русский интеллигент, «народный заступник» у Некрасова постоянно выступает в ореоле подвижника, осеняется ликом Христа. «Во имя Христа» все терпит и переносит трудовой человек, «чтут пути Христовы» некрасовские народолюбцы. Их дорога – это путь «избранников Бога». «Самоотречение», «долг», «жертва» духовно укрепляют и эстетически возвышают их.

Герои Чернышевского тоже не чуждаются самоограничения (вспомним, например, Рахметова, спящего на гвоздях). Но тут различно само понимание жертвы, этическая и эстетическая

оценка ее. Для Чернышевского и Добролюбова понятия «жертва» в христианском смысле этого слова вообще не существовало. Согласно «теории разумного эгоизма», у «новых людей» стремление служить общему благу порождалось естественными потребностями их натуры, наделенной от природы «инстинктом общественной солидарности».

Но у Некрасова, а вслед за ним и Достоевского, все наоборот: в согласии с христианской этикой, самопожертвование – яркое свидетельство высоты духовного самосознания, нравственной стойкости человека. Поскольку «от природы» человек «поврежден», его призвание заключается в преодолении своего несовершенства. Человек призван Богом духовно возвышать и себя, и мир вокруг. Он помощник Бога в строительстве Божьего Царства. Потому и в жертвенности героев Некрасова нет чувства обреченности, пессимизма. В готовности терпеливо и мужественно нести свой крест заключается высокое нравственное обаяние интеллигента, которое родственно православной морали и доступно народному пониманию. Некрасов находит таких мучеников-правдоискателей не только в интеллектуальной, но и в крестьянской среде. Таков, например, некрасовский пахарь в поэме «Тишина»:

Его ли горе не скребет? –
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И Богу уступай – не споря.

[12, т. 4, с. 56]

В поэме «Несчастные» Некрасов создает образ ссыльного интеллиген-

та. Он близок к народу аскетическим складом характера. Его пророчества о будущем России, его думы о «родине державной», о Петре, «отце России новой», потому и доступны сердцу каторжан, что перед ними «русский человек»: история для него – тяжелый жертвенный труд «друзей народа и свободы». Поэма не случайно окрашена колоритом евангельских образов. Народный заступник дан в ореоле отшельника, «божьего человека»:

Рука, нетвердая в труде,
Как спицы ноги, детский голос
И, словно лен, пушистый волос
На голове и бороде.

[Там же, с. 39]

В стихах, рисующих каторгу, намечены параллели с житийной литературой. Пробуждение каторжников под воздействием праведной речи героя напоминает типичную ситуацию жития, где «грешник на любой ступени своего падения может стать праведником и покаяться». Контраст между «святостью» народного заступника и «греховностью» простых заключенных готовит традиционную ситуацию «умиления злых сердец». Происходит «чудо», сходное с тем, какое совершает святой, вдохновенным словом исцеляющий бесноватых. В мрачной казарме, которая похожа у Некрасова на преисподнюю, где мечутся со «скрежетом зубным» беснующиеся грешники, «могучее слово убежденья», даром которого обладает герой, укрощает злые сердца, преображает «преисподнюю» в тихую «монашескую келью».

Глубокий знаток крестьянской культуры С.В. Максимов так характеризует народные представления о судьбе «несчастливых» в «рудниках Сибири льдистой»: «Там, – думает народ, – там, где-то далеко за Сибирью,

взрыты крутые, поднебесные горы. В горах этих вырыты ямы, глубиною в самые глубокие речные и озерные омуты. Посадят в эти ямы весь этот повинный народ, посадят на всю жизнь, один раз, и никогда уж потом не вынут и не выпустят. И будут сидеть они там, Божьих дней не распознавая, Господних праздников не ведая; будут сидеть в темноте и духоте подле печей, жарко натопленных, среди груд каменных, на таких работах, у которых нет ни конца, ни срока, ни платы, ни отдыха. Изноет весь этот народ в скорбях и печалях затем, что уж им всякий выход заказан, и родина отрезана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторге глубока-глубока, да и запечатана» [11, с. 19–20].

В глубокую и темную каторжную яму приносит свет несчастным заключенным «народный заступник». Именно он помогает им вновь ощутить утраченную связь с Родиной, с близкими и понять, что даже адский каторжный труд может быть наполнен высоким христианским смыслом:

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!

[12, т. 4, с. 45]

На замысел поэмы о судьбе «народного заступника» на каторге повлияли размышления Некрасова о жизненных мытарствах Достоевского. Именно в это время он напомнил о себе после долгих лет вынужденного молчания. Судя по всему, Некрасов читал письмо Достоевского к брату Михаилу от 22 февраля 1854 г. Достоевский сообщал в нем подробности отправки его по этапу из Петербурга «ровно в рождество 1849 года». И уже

в набросках к поэме «Несчастные» у Некрасова появился образ осужденного интеллигента, увозимого утром из Петербурга, когда город подобен «опустелой зале, где пировали вы вчера» [Там же, с. 313].

Достоевский говорил далее о «злой радости», с которой каторжники из народа встретили дворян: «150 врагов не могли устать в преследовании, *это было им любо...*» (Здесь и далее курсив наш. – Ю.Л.).

Некрасов подхватывает в поэме эти слова:

*И было нам сначала любо
Смотреть, как губы он кусал,
Когда с ним обходились грубо...*

[Там же, с. 39]

Перекликается с монологом героя Некрасова о России характеристика Достоевским русского народа: «Впрочем, люди везде люди. И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было *под грубой корой отыскать золото*» [7, т. 28, кн. 1, с. 172]:

Лишь Бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней –
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины –
Черна – куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
*Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил.*

[12, т. 4, с. 41]

Интересно тут и свидетельство самого Достоевского: «Потом, помню, мы как-то разошлись, и довольно скоро; близость наша друг с другом

продолжалась не более нескольких месяцев. Помогли и недоразумения, и внешние обстоятельства, и добрые люди. Затем, много лет спустя, когда я уже воротился из Сибири, мы хоть и не сходились часто, но, несмотря даже на разницу в убеждениях, уже тогда начинавшуюся, встречаясь, говорили иногда друг другу даже странные вещи – точно как будто в самом деле что-то продолжалось в нашей жизни, начатое еще в юности, еще в сорок пятом году, и как бы не хотело и не могло прерваться, хотя бы мы и по годам не встречались друг с другом. Так однажды в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он указал мне на одно стихотворение, “Несчастные”, и внушительно сказал: “Я тут об вас думал, когда писал это” (то есть об моей жизни в Сибири), “это об вас написано”. И наконец, тоже в последнее время, мы стали опять иногда видеть друг друга, когда я печатал в его журнале мой роман “Подросток”» [7, т. 26, с. 112].

Нет сомнений в истине этого сообщения. Русское правительство впервые осуществило на петрашевцах изощренный «эксперимент», «уравняв каторжанина-петрашевца с уголовным арестантом» [4, с. 215]. Помещая каторжника-интеллигента на одних нарах с уголовными преступниками, Некрасов открыто указал на «родословную» своего героя.

В поэме «Тишина», предвосхищая почвеннические идеалы Достоевского, Некрасов не только прославляет народный подвиг в годы Крымской войны и обороны Севастополя, но сердечно приобщается к его первоисточнику, к общенародной святыне, к тому духовному ядру, на котором держится русский национальный

характер в тысячелетней отечественной истории:

Храм воздыханья, храм печали –
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил –
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

[12, т. 4, с. 52]

«Вот слияние интеллигенции с народом, полнее и глубже которого нет, – сказал по поводу этих стихов русский религиозный мыслитель первой половины XX века С.Н. Булгаков. – Но многие ли из интеллигентов, читателей и почитателей Некрасова, склонялись перед этим “скудным алтарем”, соединяясь с народом в его вере и молитве? Скажу прямо: единицы. Масса же, почти вся наша интеллигенция, отвернулась от простонародной “мужицкой” веры, и духовное отчуждение создавалось между нею и народом» [2, с. 107].

Некрасов приобщается к национальной святыне по-русски – не в уединенной и обособленной, но в общей с верующим народом *соборной* молитве. Церковь для Некрасова – не только молитвенное братство ныне живущих православных христиан, но и «соборное единство» с ушедшими поколениями, которые вместе с народом и поэтом стоят «пред этим скудным алтарем».

В поэме укрепляется вера Некрасова в народные силы, в русского мужика, крестьянина и солдата как героя национальной истории. Но обратим внимание, что, в отличие от Чернышевского и Добролюбова, Некрасов

видит силу народа не в разрушительном революционном бунтарстве, а в христианском подвижничестве. Здесь-то как раз и обнаруживается та доминирующая черта народолюбивой поэзии Некрасова, которая отделяла русского национального поэта от его друзей по журналу «Современник», от вождей революционной демократии, и сближала его творчество с магистральной линией развития русской классической литературы.

Мечтая о народном счастье, Некрасов никогда не впадает в соблазн искушения «хлебом земным», свойственный европейскому идеалу социализма. Он и не является социалистом в материалистическом и атеистическом понимании этого слова. Скорее всего, некрасовские представления о народном благоденствии тяготеют к «христианскому социализму», связанному с надеждами и чаяниями русского крестьянина. Его идеал – народное *довольство*, православную сущность которого св. Иоанн Златоуст определял так: «Собирай столько, сколько требует нужда, и при сильной буре пройдешь через волны. Отсекай излишнее, чтобы быть богатым в необходимом» [9, с. 244]. Этот идеал в разных вариациях проходит через все поэтическое творчество Некрасова. В поэме «Мороз, Красный нос» он выглядит так:

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

[12, т. 4, с. 81]

Именно о таком счастье мечтают некрасовские «народные заступники»: «И по сердцу эта картина всем любящим русский народ!». В последней поэме «Кому на Руси жить хоро-

шо» их «социалистический» идеал имеет ярко выраженный христианский смысл: в основе его лежит честный труд, не склонная к стяжательству крестьянская трудовая мораль:

Мы же не много
Просим у Бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

[Там же, т. 5, с. 224]

Заслуга Некрасова-поэта состояла в том, что задолго до философских работ В.С. Соловьева («Оправдание добра») и С.Н. Булгакова («Религия и политика», «Христианство и социализм») он попытался в своем творчестве соединить политику с христианской нравственностью и в качестве идеала для народного заступника неизменно ставил образ Христа. Лучшие его герои, как из народной, так и из интеллигентской среды, выступают в ореоле христианских подвижников. В поэзии Некрасова неизменно проводится параллель между апостолом идеи народного блага и распятым на кресте Иисусом Христом. Стихотворение 1870-х гг. «Пророк» поэт завершает так:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет – он будет на кресте;
Его послал Бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе.

[Там же, т. 3, с. 154]

3

Начало 1870-х гг. – эпоха очередного общественного подъема, связанного с деятельностью революционных народников. Некрасов сразу же уловил первые симптомы этого пробуждения и не мог не откликнуться по-своему на их болезненный характер. В 1869 г. С.Г. Нечаев организовал

в Москве тайное революционно-заговорщическое общество «Народная расправа». Программа его была изложена Нечаевым в «Катехизисе революционера». Провозглашался лозунг: «Цель оправдывает средства». Чтобы вызвать в обществе революционную смуту, допускались любые, самые низменные поступки: обман, шантаж, клевета, яд, кинжал и петля. Столкнувшись с недоверием и противодействием члена организации И.И. Иванова, Нечаев обвинил собрата в предательстве и 21 ноября 1869 г. с четырьмя своими сообщниками убил его. Так полиция напала на след организации, и уголовное дело превратилось в шумный политический процесс. Достоевский откликнулся на него романом «Бесы», а Некрасов – поэмами «Дедушка» и «Русские женщины».

Русский национальный поэт и в мыслях не допускал гражданского возмущения, не контролируемого высшими нравственными принципами, не принимал политики, не освященной христианским идеалом. Убеждение, что политика – грязное дело, внушалось, по мнению Некрасова, лукавыми людьми для оправдания своих сомнительных деяний. У человека, душою болеющего за отечество, не может быть к ним никакого доверия. Народные заступники в этих поэмах Некрасова не только извне окружены подвижническим ореолом, они и внутренне, духовно носят в себе высший идеал богочеловеческого совершенства, а политику воспринимают как религиозное делание, освященное заветами евангельской правды.

«Христианское просвещение, развивающее и воспитывающее личность, а не случайное усвоение обрывков знания, употребляемых как

средство агитации, – вот в чем нуждается народ наш, – утверждал С.Н. Булгаков. – Историческое будущее России, возрождение и восстановление мощи нашей Родины или окончательное ее разложение, быть может политическая смерть, находятся в зависимости от того, решим ли мы эту культурно-педагогическую задачу: просветить народ, не разлагая его нравственной личности. И судьбы эти история вверяет в руки интеллигенции» [2, с. 134–135]. В числе истинных просветителей России, которые работают на ее возрождение, Булгаков в первую очередь называл «родного нашего Некрасова».

24 ноября 1855 г. в письме к В.П. Боткину Некрасов говорил о Тургеневе с великой надеждой: этот человек способен «дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни» [12, т. 14, кн. 1, с. 234]. В этой надежде Некрасову суждено было разочароваться. И вот в поэмах историко-героического цикла он сам попытался дать русским политикам достойный подражания идеал.

Все народные заступники в поэзии Некрасова – идеальные герои хотя бы потому, что, в отличие от атеистического, нигилистического уклона, свойственного реалиям русского освободительного движения, они напоминают и внешним, и внутренним, духовным своим обликом русских святых. Создавая историко-героические поэмы, Некрасов действовал «от противного»: они были своеобразным упреком той революционно-материалистической бездуховности, которая глубоко потрясла и встревожила поэта.

В своих поэмах Некрасов воскрешал высокий идеал не монашеской святости, а святости мирянина в той

мере, в какой эта святость утверждалась учением святых отцов и органично вошла в народное сознание. Так, для некрасоведов-атеистов камнем преткновения долгое время оказывались слова вернувшегося из ссылки героя поэмы «Дедушка»: «Днесь я со всем примирился, что потерпел на веку». Они не понимали, что христианское смирение отнюдь не означает примирения со злом, а, напротив, утверждает открытую и честную борьбу с ним, что и подтверждается далее всем поведением героя. Но *христианское* сопротивление мирскому злу действительно *исключает личную вражду, кровную месть*. «...Чем меньше *личной* вражды в душе сопротивляющегося и чем более он внутренне простил своих личных врагов – всех вообще и особенно тех, с которыми он ведет борьбу, – тем эта борьба его будет, при всей ее необходимой суровости, духовно вернее, достойнее и жизненно целесообразнее» [8, т. 5, с. 142], – замечает русский мыслитель И.А. Ильин в работе «О сопротивлении злу силою»: «Сопротивляющийся злу должен прощать личные обиды; и чем искреннее и полнее это прощение, тем более простивший способен вести неличную, предметную борьбу со злодеем, тем более он призван быть органом живого добра, не мстящим, а понуждающим и пресекающим» [Там же, с. 144].

Христианское содержание поэмы «Дедушка» проявляется буквально во всем, даже в деталях чисто внешнего плана. Возвращающийся из ссылки герой «пыль отряхнул у порога», как древний библейский пророк или новозаветный апостол, «отрясающий прах со своих ног». Действие это символизирует христианское прощение всех личных обид и всех прошлых

скорбей и лишений. «Сын пред отцом преклонился, ноги омыл старику» [12, т. 4, с. 112]. С точки зрения реалий нового времени, действие сына может показаться странным. Однако Некрасов ведь создает идеальный образ и прибегает в данном случае к известной евангельской ситуации, когда Иисус Христос перед Тайной Вечерей омыл ноги своим ученикам, будущим апостолам. Этот древний обряд знаменовал особое уважение к человеку. Апостольские, христианские моменты подчеркнуты и во внешнем облике Дедушки:

Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит.

[Там же, с. 112]

«Детскость» и мудрая простота героя тоже восходят к евангельским заповедям Христа: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» [Мф. 18:3–4].

«Песни» Дедушки – это почти молитвенные покаяния за грехи соотечественников, ибо, по пророчеству Исаии, Господь «помилует тебя по голосу вопля твоего»: «Сдрогайтесь, беззаботные! Ужаснитесь, беспечные!..» [Исайя 32:11]. «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительство, разорят и тебя» [Исайя 33:1]. Тревога за судьбу отечества и боль за беззакония соотечественников – причина страданий, принятых некрасовским героем на каторге, и источник его

исповедально-обличительных песен и молитв:

Всем доставалось исправно,
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Трусые тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страной висел...
Видел имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью и свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

[12, т. 4, с. 117]

Поэт утверждает освященные христианским вероучением активные формы противостояния злу и пресечения его. Обращаясь к русскому народу, он говорит: «Чем хуже был бы твой удел, когда б ты менее терпел?» [Там же, т. 2, с. 92]. Социальная пассивность духовенства тоже наводит его на грустные мысли, особенно в пореформенную пору:

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

[14, т. 3, с. 173]

Всем содержанием своих романов и повестей Достоевский вместе с Некрасовым отстаивал активную, просветляющую и одухотворяющую мир благодатную силу христианского жизнестроительства. Он считал, что Православие призвано духовно очищать и облагораживать как частную, так и общественную жизнь людей. Если атеисты считают человеческую природу изначально доброй, то верующие христиане, по Достоевскому, призваны Богом духовно просветлять, совершенствовать и себя, и мир вокруг. Они помощники Бога в строительстве Божьего Царства.

А.Г. Достоевская вспоминала: «В ноябре 1877 г. Федор Михайлович находился в очень грустном настроении: умирал Н.А. Некрасов <...> Узнав, что Некрасов опасно болен, Федор Михайлович стал часто заходить к нему – узнать о здоровье. Иной раз просил ради него не будить больного, а лишь передать ему сердечное приветствие. Иногда муж заставлял Некрасова бодрствующим, и тогда тот читал мужу свои последние стихотворения. <...> Вообще последние свидания с Некрасовым оставили в Федоре Михайловиче глубокое впечатление, а потому, когда 27 декабря он узнал о кончине Некрасова, то был огорчен до глубины души <...> Федор Михайлович бывал на панихидах по Некрасову и решил поехать на вынос его тела и на его погребение» [6, с. 340].

«Некрасова хоронили очень торжественно, – рассказывал В.Г. Короленко в “Истории моего современника”, – и на могиле говорили много речей. Помню стихи, прочитанные Панютиным, потом говорил Засодимский и еще несколько человек, но настоящим событием была речь Достоевского.

Мне с двумя-тремя товарищами удалось пробраться по верхушке каменной ограды почти к самой могиле. Я стоял на остроконечной жестяной крыше ограды, держась за ветки какого-то дерева, и слышал все. Достоевский говорил тихо, но очень выразительно и проникновенно. Его речь вызвала потом много шума в печати. Когда он поставил имя Некрасова вслед за Пушкиным и Лермонтовым, кое-кому из присутствующих это показалось умалением Некрасова.

– Он выше их!.. – крикнул кто-то, и два-три голоса поддержали его.

– Да, выше... Они только байронисты.

Скабичевский со своей простовазой прямолинейностью объявил в “Биржевых ведомостях”, что “молодежь тысячами голосов провозгласила первенство Некрасова”. Достоевский отвечал на это в “Дневнике писателя”. Но когда впоследствии я перечитывал по “Дневнику” эту полемику, я не встретил в ней того, что на меня и многих моих сверстников произвело впечатление гораздо более сильное, чем спор о первенстве, которого многие тогда и не заметили. Это было именно то место, когда Достоевский своим проникновенно-пророческим, как мне казалось, голосом назвал Некрасова последним великим поэтом “из господ”. Придет время, и оно уже близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа...

– Правда, правда! – восторженно кричали мы Достоевскому, и при этом я чуть не свалился с ограды.

Да, это казалось нам таким радостным и таким близким. <...> Мне долго потом вспоминались слова Достоев-

ского, именно как предсказание близости глубокого социального переворота, как своего рода пророчество о народе, грядущем на арену истории» [10, т. 6, с. 198–199].

В последней и бесспорно лучшей биографии Некрасова Н.Н. Скатов справедливо говорит: «Кажется, творчество Достоевского не оказало никакого влияния на поэзию Некрасова. Поэзия же Некрасова – на творчество Достоевского – огромное. <...> Недаром и идея, и философия, и даже “поэтика” страдания у Достоевского во многом сложились под прямым и сильнейшим воздействием Некрасова. Корни, конечно, и у того и у другого лежат глубоко, уходят в народ, в христианство и, так сказать, в народное христианство. Но собственно в литературе, с этой “страдальческой” точки зрения, Некрасов остался единственным примером именно так направленной могучей страстности. Потому Достоевский и написал: “Прочтите эти страдальческие песни сами, и пусть вновь оживет наш любимый, страстный поэт!”» [15, с. 17–18].

Библиографический список

1. Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. М., 1971.
2. Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991.
3. Викторovich В.А. Некрасов, прочитанный Достоевским // Карабиха. Вып. 2. Ярославль, 1993. С. 115–138.
4. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. Т. 2. М., 1946.
5. Гин М.М. Достоевский и Некрасов: Два мировоззрения. Петрозаводск, 1985.
6. Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1971.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.
8. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1993–1999.
9. Иоанн Златоуст. Избранные творения. Собрание поучений. Т. 1. М., 1993.
10. Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1953–1956.
11. Максимов С.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М., 2010.
12. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1981–2000.
13. Пайков Н.Н. Корни и ветви // Некрасов Н.А. «Да, только здесь могу я быть поэтом!»: Избранное. Ярославль, 1996. С. 559–578.
14. Поссе В.А. Мой жизненный путь. М.; Л., 1929.
15. Скатов Н.Н. Некрасов. М., 1994.

References

1. Blok A.A. Sobraniye sochineniy. V 6 t. [Collection of works. In 6 vols.]. Vol. 5. Moscow, 1971. (In Russ.)
2. Bulgakov S.N. Khristianskiy sotsializm [Christian socialism]. Novosibirsk, 1991. (In Russ.)
3. Viktorovich V.A. Nekrasov read by Dostoevsky. *Karabikha*. Issue 2. Yaroslavl, 1993. Pp. 115–138. (In Russ.)
4. Gernet M.N. Istoriya tsarskoy tyurmy. V 5 t. [The history of royal prison. In 5 vols.]. Vol. 2. Moscow, 1946. (In Russ.)
5. Gin M.M. Dostoyevskiy i Nekrasov: Dva mirovozzreniya [Dostoevsky and Nekrasov: Two worldviews]. Petrozavodsk, 1985. (In Russ.)
6. Dostoyevskaya A.G. Vospominaniya [Memories]. Moscow, 1971. (In Russ.)
7. Dostoyevsky F.M. Polnoye sobraniye sochineniy. V 30 t. [Complete collection of works. In 30 vols.]. Leningrad, 1972–1990. (In Russ.)
8. Ilyin I. A. Sobraniye sochineniy. V 10 t. [Collection of works. In 10 vols.]. Moscow, 1993–1999. (In Russ.)
9. Ioann Zlatoust. Izbrannyye tvoreniya. Sobraniye poucheniy [Selected creations. Collection of teachings]. Vol. 1. Moscow, 1993. (In Russ.)
10. Korolenko V.G. Sobraniye sochineniy. V 10 t. [Collection of works. In 10 vols.]. Moscow, 1953–1956. (In Russ.)
11. Maksimov S.V. Sobraniye sochineniy. V 7 t. [Collection of works. In 7 vols.]. Vol. 1. Moscow, 2010. (In Russ.)
12. Nekrasov N.A. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. V 15 t. [Complete collection of works and letters. In 15 vols.]. Leningrad, 1981–2000. (In Russ.)
13. Paykov N.N. Roots and branches. *Nekrasov N.A. «Da, tolko zdes mogu ya byt poetom!»: Izbrannoye*. Yaroslavl, 1996. (In Russ.)
14. Posse V.A. Moy zhiznenny put [My life path]. Moscow; Leningrad. 1929. (In Russ.)
15. Skatov N.N. Nekrasov [Nekrasov]. Moscow, 1994. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2021, принята к публикации 10.03.2021
The article was received on 10.02.2021, accepted for publication 10.03.2021

Сведения об авторе / About the author

Лебедев Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор; независимый исследователь

Yury V. Lebedev – ScD in Philology, Professor; independent researcher

E-mail: y.v.lebedev@yandex.ru